

DOI: 10.18721/JHSS.10101
УДК 947.084.8

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

А.Н. Кашеваров

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье на основе анализа проповедей самых известных церковных публицистов сделана попытка проследить эволюцию проповеди в XVIII – первой половине XIX в. Наиболее ярким представителем схоластической традиции в русской церковной проповеди был митрополит Рязанский Стефан (Яворский) (1658–1722). Его проповеди изобиловали изощренными сравнениями и натянутой символикой. В этот же период в проповеди наблюдался отход от схоластической традиции, который начался с архиепископа Феофана (Прокоповича) (1681–1736), выступавшего также главным идеологом Петровских церковных реформ. По сравнению с проповедями предшественников его проповедь выглядела простой и ненадуманной, композиция ее строилась уже не по определенным неподвижным рубрикам, а соответственно мысли проповедника. В результате проповеднической деятельности митрополита Платона (Левшина) (1737–1812) особую важность приобрела задача приспособления проповеди к духовным нуждам паствы и способностям ее восприятия. Поэтому форма непринужденной беседы считалась наиболее подходящей для проповеди, а единство содержания полагалось более важным, чем строгая композиция. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782–1867) и архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800–1857), две выдающиеся фигуры в области русской проповеди первой половины XIX в., считаются представителями двух разных направлений в ней. Основное различие относится к содержанию: митрополит Филарет в своих проповедях прежде всего трактовал догматико-теоретические вопросы, а архиепископ Иннокентий занимался почти исключительно нравственно-практическими проблемами.

Ключевые слова: церковная проповедь, схоластическая традиция, византийская святоотеческая традиция, христианская тематика, форма непринужденной беседы, архиепископ Феофан (Прокопович), митрополит Платон (Левшин), митрополит Филарет (Дроздов)

Ссылка при цитировании: Кашеваров А.Н. Церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX века: особенности эволюции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.10101

CHURCH SERMON IN THE 18th AND THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: SPECIFICS OF EVOLUTION

A.N. Kashevarov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

History of Church sermon the synodal period investigated enough. The proposed article on the basis of an analysis of the most famous sermons Church publicists attempted to trace the evolution of sermon XVIII – first half XIX century. The most prominent representative of sermon scholastic traditions on Russian soil was Ryazan Metropolitan Stephan (Jaworski) (1658–1722). His sermons abounded sophisticated comparisons and stretched symbolism. During the same period, in a sermon there is a departure from the scholastic tradition, which began with the Archbishop Theophan (Prokopovich) (1681–1736) in the main ideologue of Peter’s Church reforms. Compared to its predecessors the sermons sermon looked simple and nenadumnoj. The composition was based no longer on certain fixed headings, and thus thought the preacher. As a result of their activities of Metropolitan Platon (Levshin) (1737–1812) of particular importance acquired the task of adapting to modern sermons spiritual needs of his flock and abilities of its perception. Therefore, the form of casual conversation was considered most appropriate for the sermon, and unity of content were supposed to be more important than strict composition. Two of the most outstanding figures in the field of Russian preaching the first half of the 19th century is the Moscow Metropolitan Philaret (Drozdov) (1782–1867) and Kherson Archbishop Innokenty (Borisov) (1800–1857) considered to belong to two different directions in Russian sermon. The main difference relates to the content. While Metropolitan Philaret in his sermons, first and foremost, treated dogmatiko-theoretical questions, Archbishop Innokenty almost exclusively involved in the problems of moral and practical.

Keywords: Church sermon, scholastic tradition, Byzantine patristic tradition, Christian themes, informal conversation, Archbishop Theophan (Prokopovich), Metropolitan Platon (Levshin), Metropolitan Philaret (Drozdov)

Citation: A.N. Kashevarov, Church sermon in the 18th and the first half of the 19th century: specifics of evolution, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.10101

Введение

В нашу технологическую эпоху всё более очевидной становится потребность в приоритете духовного как фундамента, на котором необходимо строить жизнь общества. В таких условиях морально-нравственные категории, транслируемые церковной проповедью, приобретают особый смысл и ценность. Поэтому важно проследить эволюцию церковной проповеди, оказавшей определенное воздействие на формирование базовой российской системы ценностей.

Между тем история проповеди синодального периода исследована недостаточно. До

сих пор отсутствует объективный научный обзор проблемы в целом. Изданы собрания проповедей лишь самых популярных в то время проповедников. К тому же факт публикации тех или иных проповедей еще не означает, что их авторы действительно были лучшими представителями русской гомилетики. В большинстве случаев проповеди, особенно приходского духовенства, печатались за собственный счет. Оценку деятельности отдельных проповедников можно найти разве что в некрологах или в кратких и потому не слишком информативных журнальных статьях, в том числе в дореволюционных «Епархиальных ведомостях», а также

в возрожденном в 1943 г. «Журнале Московской патриархии» в рубрике «Проповедь».

Постановка проблемы и цели исследования

В данном исследовании рассмотрены сочинения только тех православных проповедников-публицистов, которые, будучи широко известными в свое время, оказали заметное влияние на особенности церковной проповеди, ее эволюцию в XVIII – первой половине XIX в.

Методология

В нашей работе мы руководствовались принципами историзма и научной объективности. При изучении проповедей православных священнослужителей применялся метод сравнительного анализа. Особенности эволюции проповеди в исследуемый период представлены с помощью описательного метода.

Результаты исследования

В течение XVII–XVIII вв. шел процесс разделения русской проповеди как по содержанию, так и с формальной точки зрения. Южнорусские богословы (их центр – Могилянская коллегия в Киеве) находились под значительным латино-польским иезуитским влиянием. В православных учебных заведениях Южной Руси, устроенных митрополитом Петром Могилой (1596–1647) по католическому польскому образцу, гомилетика как богословская дисциплина, излагающая правила церковного красноречия или проповедничества, преподавалась по тем же руководствам, что и в католических школах. Здесь, в гомилетике, форма преобладала над содержанием, композиция – над богословским учением. Ректор Киево-Могилянской коллегии архимандрит Иоанникий Голятовский (ум. в 1688 г.), выдающийся представитель южнорусской схоластической проповеди XVII в., составил первое русское гомилетическое руководство «Наука о сложении казаний», опубликованное в приложении к сборнику его проповедей «Ключ разумения» в 1659 г. в Киеве. В этом труде изложены искусные правила для составления проповедей. По Голятовскому, проповедь обязательно должна состоять из трех частей: введения, наставления и вывода (exordium, narratio и conclusio) [1, с. 90–91].

Противоположные позиции занимала северорусская проповедь. Ее представители созна-

тельно придерживались византийской святоотеческой традиции: форма непринужденной беседы считалась ими наиболее подходящей для проповеди, а единство содержания для них было важнее строгой композиции. Севернорусские гомилеты XVII–XVIII вв. не обращали особого внимания на форму, для них первостепенное значение имела жизненность проповеди, которая достигалась путем приспособления проповеди к духовным нуждам паствы и способностям ее восприятия.

Со времен Симеона Полоцкого (1629–1680) Церковь Московского государства находилась под влиянием южнорусских ученых монахов и иерархов. Одним из выдающихся южнорусских иерархов, приобретших известность в Москве, был митрополит Ростовский Димитрий (Туптало) (1651–1709), чьи «Четы-Минеи» до сих пор считаются важнейшим трудом русской агиографической литературы. Проповеди митрополита Димитрия («златословесного учителя», по оценкам его современников) отличались цветистым стилем, украшенным богатой символикой, частыми обращениями к слушателям или к библейским и историческим личностям, упомянутым в проповеди, параллелизмами и антитезами¹.

Наиболее ярким представителем схоластической традиции в проповеди на русской почве был митрополит Рязанский Стефан (Яворский) (1658–1722), ставший по желанию Петра I Местоблюстителем Патриаршего Престола после смерти патриарха Адриана. Проповеди митрополита Стефана изобиловали изощренными сравнениями и натянутой символикой, а композиция их была искусственная и чисто внешняя, содержанию же при этом не уделялось должного внимания. В проповедях Стефана рядом с цитатами из Священного Писания можно встретить пассажи из мифологии, анекдоты об Александре Великом или о слуге Ксеркса, описание какого-нибудь животного [2, с. 362]. В ущерб собственно христианской тематике он не упускал возможности включить в проповеди различные доказательства своей широкой общей образованности. Изобилие рассказов, притчей и анекдотов из мира животных и растений показывает, что Стефан охотно

¹ Philaret, Metropolitan of Moscow 1782–1867. The Variable Press, 2003. Pp. 83–84.

исполнял требование Голятовского читать книги «о зверях, птахах, гадах, деревьях, зельях, камнях и разных водах» [3, с. 79]. Источниками сведений такого рода для митрополита Стефана и его коллег служили многочисленные средневековые бестиарии, а также исторические сочинения и труды античной литературы. Все эти повествования (о спорах в римском сенате, какому божеству надо оказать наибольшую честь; о Нероне или Дионисе Сиракузском; басня о мышши, грызущей пилу, и т. п.) были мало пригодны к тому, чтобы освещать тематику проповеди и служить изложению различных аспектов христианского вероучения.

При таких установках не удивительно, что митрополит Стефан составлял свои проповеди в богато орнаментированном стиле: они были перегружены метафорами, параллелизмами, повторами, восклицаниями, риторическими вопросами. Длиннейшие фразы создавались при помощи многочисленных прилагательных. Только в менее патетических местах церковнославянский язык уступал место русскому. Часто употреблялись иностранные слова, которые при Петре I вводились в русскую речь: фортецца, кавалер (солдат), колюрия и т. п. Притчи и анекдоты в его проповедях нередко занимали более важное место, чем христианское содержание. Игра слов в них часто была самоцелью, предметом интеллектуальной гимнастики автора.

Отход от схоластической традиции начался с *архиепископа Феофана (Прокоповича)* (1681–1736), выступавшего также главным идеологом Петровских церковных реформ. Его проповедь по сравнению с проповедями предшественников выглядела простой и ненадуманной. Композиция ее строилась уже не по определенным неподвижным рубрикам, а соответственно мысли проповедника. Феофан не только не старался постоянно удивлять своих слушателей чем-то новым и неожиданным, но и полемизировал против напыщенного стиля католических польских проповедников, против типичных для них пустых и бестактных анекдотов. Он также считал неприличным для христианского проповедника обращаться к языческим божествам или приводить примеры из драм и поэм как образцы для христианского бытия. Комические элементы встречались уже весьма редко. В центре внимания стояло Священное Писание. Архиепископ Феофан старался доказывать гармонию между

ним и своими мыслями. С этой целью он разбирал каждую цитату из Священного Писания, чтобы найти ее точный смысл, приводя параллельные места. Анекдоты из истории или мифологии архиепископ заменил примерами из житий святых и, отвергая пример католических проповедников, требовавших знания светской литературы и мифологии, подчеркивал необходимость прежде всего основательных знаний Священного Писания, творений Святых Отцов и истории Церкви. При составлении проповедей Феофан пользовался только житиями святых. Для его проповедей характерно отсутствие введения (*exordium*), обязательного для схоластической проповеди. Без всяких отступлений архиепископ истолковывал текст, на котором основывал свою проповедь. Возможно, не без влияния протестантских теорий проповеди он требовал от проповедника четкого изложения материала.

Именно с архиепископа Феофана (Прокоповича) началось возвращение к настоящей задаче проповеди и подлинным ее источникам и корням – Священному Писанию и творениям Святых Отцов. Необходимость такого характера проповедей указывалась в составленном им «Духовном регламенте», согласно которому также предусматривалась подготовка монахов для проповеднической деятельности в духовном училище в Александро-Невской лавре. Одновременно в эпоху Петра I возникла большая опасность для самостоятельного существования проповеди, так как сам царь рассматривал проповедническую деятельность исключительно с точки зрения ее полезности для государства. Петр хотел, чтобы его реформы пропагандировались с церковного амвона, и архиепископ Феофан стал добровольным рупором политики светского государя.

В древней Киевской духовной академии стиль проповеди разделялся на множество видов (цветистый, остроумный, удивительный и т. д.). Это разделение было заимствовано из западных руководств. Феофан же признавал только три варианта стиля: высокий, средний и низкий. Такое разделение впоследствии было заимствовано М.В. Ломоносовым [Там же. С. 109].

Язык проповедей архиепископа Феофана представлял собой смесь русского и церковнославянского, содержал множество иностранных слов, из которых лишь немногие нашли

распространение в русском языке. Его фразы с множеством придаточных предложений отличались сложной структурой. По замечанию некоторых исследователей, синтаксис проповедей Феофана свидетельствовал о явном влиянии латинской прозы. Он лучше писал на латыни, чем на русском, многие свои выступления сам переводил на латынь [2, с. 449].

Новый подъем проповедничества наблюдался во время правления императрицы Елизаветы Петровны. Она направила в Святейший синод указ, в котором повелела, чтобы «каждое воскресенье в придворной церкви духовник проповедовал Слово Божие». Порой императрица сама назначала проповедника, которого желала слушать в тот или иной день. Архиереи и архимандриты призывались из разных мест Российской империи, чтобы проповедовать в ее присутствии [1, с. 142].

Наиболее известными проповедниками второй половины XVIII в. были архиепископ Гедеон (Криновский) и митрополит Платон (Левшин).

Архиепископ Псковский Гедеон (Криновский) (1726–1763) писал свои проповеди в цветистом стиле. По образцу прежних проповедников он широко пользовался параллелями из классической литературы, духовную и телесную жизнь человека сравнивал с разными явлениями из мира животных, используя научные исследования своего времени, а также древнегреческую и римскую литературу. Например, Александра Македонского Гедеон сравнивал с Иисусом Христом. При объяснении отдельных элементов христианского учения использовал образы хамелеона, гидры или саламандры. В языковом отношении проповеди архиепископа Гедеона заметно отличались от проповедей его предшественников. Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) (1805–1866) в «Обзоре русской духовной литературы» отмечал, что архиепископ Гедеон, в отличие от прежних проповедников, пользовался народным языком, который он дополнил богослужебным; у него окончания слов, спряжение и синтаксис – русские. В целом же язык проповедей архиепископа Гедеона представлял собой смесь русского и церковнославянского. При этом преобладали русские элементы; церковнославянские же использовались широко, но в согласии с требованием М.В. Ломоносова – чтобы они были

понятными и не слишком устаревшими для русского уха [4, с. 332].

Митрополит Московский Платон (Левшин) (1737–1812), которого современники называли «вторым Златоустом», оставил после себя 700 проповедей, преимущественно догматического и нравственного содержания. Он строил свое обличение пороков на христианском учении, подчеркивая при этом сочувствие и понимание человеческих слабостей и указывая на свою собственную подверженность им. Поэтому обличение мира у митрополита Платона никогда не принимало таких резких форм, как у других проповедников его времени [5, с. 20]. Даже в тех проповедях, где Платон сознательно обличал отдельные пороки современного ему общества, он не углублялся в изображение отрицательного влияния этих пороков, но обращал внимание своих слушателей на христианское нравственное учение, указывая на его преимущество в сравнении с общепринятыми мирскими правилами, которые его современники сделали основой своей жизни [Там же. С. 131]. Во многих проповедях митрополит выступал против духовных заблуждений своих современников, влияния французской философии и против русского вольнодумства. Он не только обличал проступки своих слушателей, но и точно указывал на определенные места из Священного Писания или элементы христианской догматики, согласно которым давал оценку тем или иным явлениям того времени [Там же. С. 71–72].

В языковом отношении проповеди митрополита Платона всё еще находились под сильным влиянием ломоносовской риторики. Об этом, в частности, свидетельствовали его длинные синтаксические конструкции [6, с. 378]. Нередко ясность и последовательность смыслового развития проповеди Платона страдали от избытка риторических украшений. Параллелизмы, антитезы, повторы, пространные описания, символы и аллегории способны были уводить внимание слушателей от самой темы. Его ранние катехизические проповеди настолько перегружены церковнославянскими элементами, что порой труднопонимаемы [5, с. 195]. В более позднее время проповеди митрополита иногда страдали от сильного влияния светского языка его времени, отличавшегося множеством иностранных, преимущественно французских,

слов [5, с. 196]. Эти иностранные слова, во всяком случае для современного русского читателя, не лишены некоторого комизма, в частности там, где они употреблялись в сюжетах с религиозным смыслом, например: «приидите в театр совершенств Творца» [Там же]. Следует отметить, что у митрополита Платона любовь к иностранным словам ограничивалась лишь переходным периодом. Став зрелым проповедником, он отказался от этого и обратился к более простому языку.

Две наиболее яркие фигуры в области русской проповеди первой половины XIX в. — это митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782—1867) и архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) (1800—1857). Они считаются представителями двух разных направлений в русской проповеди. Основное различие относится к содержанию их проповедей. В то время как митрополит Филарет в своих проповедях прежде всего трактовал догматико-теоретические вопросы, архиепископ Иннокентий занимался почти исключительно нравственно-практическими проблемами [7, с. 432—433]. При этом важно подчеркнуть, что Филарет не избегал духовных и нравственных сюжетов, но освещал их более отвлеченно, чем Иннокентий. Такое впечатление создается потому, что Филарет следовал строгой дисциплине в словах и мыслях, сдержанности, а также правилу, согласно которому надо оставаться на почве фактов [Там же. С. 433]. Иннокентий же проявлял в своих проповедях большую эмоциональность. Он почти не придерживался строгого порядка в изложении своих мыслей и гораздо менее критично относился к своим формулировкам, чем Филарет, требовавший «остричь слова, в которых далеко простерлась свобода воображения» [Там же].

Для митрополита Филарета характерна сдержанность не только в построении проповеди, но даже в его поведении во время выступления. А вот архиепископ Иннокентий легко предавался чувствам, что создавало впечатление некоторой театральности и погони за эффектами. Примечательно, что он рекомендовал проповеднику следующее: «Принимайте слушателей, кто бы они ни были, не более как за ваших учеников, и вы будете говорить смело». Значительно более строгий подход проявляется во взгляде митрополита Филарета, требовав-

шего, чтобы проповедник «отдавал себя на суд слушающего» [Там же. С. 434].

Проповедники по-разному относились к вопросу о сочинении и распространении своих проповедей. Митрополит Филарет принципиально высказывался против всякой импровизации в области проповеднического слова. По его мнению, «церковные поучения должны быть заблаговременно сочиняемы» и «всего предпочтительнее осторожность и предусмотрительность в таком деле, в котором малейшее небрежение влечет за собой гибельные последствия». Архиепископ Иннокентий считал правильным говорить и публиковать то, «что Бог послал, не заботясь много об отличных достоинствах мысли и слога» [Там же. С. 435].

Характерно, что составитель «Обзора русской духовной литературы» архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) весьма критически высказывался о проповеди архиепископа Иннокентия и представлял митрополита Филарета единственным настоящим мерилом «доброго проповедничества» [Там же. С. 432]. Следует также отметить, что архиепископ Иннокентий в истории русской журналистики известен тем, что ему принадлежала инициатива основания «Епархиальных ведомостей», ставших ведущим типом церковной периодики в дореволюционной России. Он же в 1853 г. выработал их концепцию [8, с. 16].

Митрополит Филарет быстро стал блестящим проповедником, по общему признанию современников. Проповеди митрополита свидетельствовали об обширных богословских познаниях, глубоком богословском уме, серьезности и четкости его языка. По мнению архиепископа Берлинского Марка (Ардта), проповедь митрополита Филарета способствовала становлению современного русского языка, может быть, не в меньшей степени, чем сочинения А.С. Пушкина².

Обзор проповедей митрополита Филарета в связи с отдельными праздниками церковного года или в воскресные дни, в том числе тем, на которые он произносил поучения и проводил беседы, и поводов, по которым он выступал с речами перед императорами и различными собраниями, дает некоторое представление о раз-

² Philaret, Metropolitan of Moscov. P. 92.

нообразии деятельности московского архиерея. Наибольшее число его проповедей (66) связано с освящением храмов. За ними следовали «слова на царские дни» (57) и речи перед царем и членами царской семьи (39), поучения на разные места Священного Писания (21), проповеди в дни важных церковных праздников — Благовещения Пресвятой Богородицы (17), Успения Пресвятой Богородицы (14), преподобного Сергия Радонежского (23), на Пасху (7), Рождество Христово (5) и т. д.³

Большое количество проповедей митрополита Филарета при освящении храмов вызвано иерархическим положением владыки: он служил Русской церкви в течение 50 лет (с 1817 по 1867 г.) как епископ, архиепископ и митрополит, из них 41 год занимал пост митрополита Московского, т. е. по существу возглавлял высшую по значению русскую митрополию. Насколько Филарет был перегружен подобными обязанностями, видно из письма митрополита А.Н. Муравьеву от 6 октября 1847 г.: «С первого сентября по 5 октября мне пришлось присутствовать при освящении 6 церквей, из коих двух сельских...»⁴. Естественно, что высокопоставленному иерарху приходилось выступать с проповедями в «царские праздники» и с речами перед царем и царской семьей.

При составлении своих поучений митрополит Филарет выбирал те темы и вопросы из христианского вероучения и церковной догматики, которые, по его мнению, были особенно важны для паствы. Так, например, некоторые поучения он посвятил теме благодарности Богу, ряд других — страху Божию, духовной нищете, очищению сердца, искушениям или небесной награде. Митрополит, очевидно, считал особенно необходимым углублять в сознании своей паствы элементы христианского учения, связанные с Благовещением Пресвятой Богородицы: он произнес 17 проповедей, посвященных этому празднику. На основе этих текстов впоследствии была составлена целая богословская система о Благовещении⁵.

³ Philaret, Metropolitan of Moscov. P. 92.

⁴ Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. М... [Муравьеву А.Н.] 1832–1867. Киев, 1869. С. 250.

⁵ Благовещение Пресвятой Богородицы по материалам митрополита Филарета // Чтения в моск.

В собраниях проповедей, изданных самим митрополитом Филаретом в 1844–1845 гг., на первом месте стоят «Слова в Господские праздники»⁶. Первая проповедь на Рождество Христово, произнесенная в 1821 г. в Чудовом монастыре, разделена на 10 отделов разной длины (в целом же проповедь состояла из 4 частей). Проповедник почти не коснулся событий, связанных с этим праздником, но полностью сосредоточился на отношениях между Богом и человеком, забывшим возносить хвалу Богу. В первых двух отделах митрополит Филарет говорил об обязанностях человека по отношению к Богу, в третьем — пятом описывал сущность славы Божией, в шестом — девятом указывал на то, что человек разучился общаться со славой Божией, а в последнем, десятом, отделе он призвал христиан славить Бога. После отчетливой цезуры между пятым и шестым отделами вторая половина этой проповеди несла основную смысловую нагрузку.

В проповеди на праздник Входа Господня в Иерусалим митрополит Филарет уделил теме праздника гораздо больше места. Как и в предыдущем случае, эта проповедь состояла из 10 отделов. Первый отдел содержал обширную аллегорию: солнце — Иисус Христос; во втором отделе упоминалось предсказание пророка Захарии, на которое ссылался евангелист Матфей в цитате, предпосланной проповеди в качестве эпиграфа; в третьем говорилось о том, что иудеи не поняли этого пророчества о Входе Господнем в Иерусалим; в четвертом данная мысль развивалась далее; в пятом подробно описывались события этого дня; в шестом эта тема расширялась и совершался переход ко второй части проповеди; в седьмом отделе проповедник останавливался на значении Входа Господня в Иерусалим; в восьмом цитировал Иоанна Златоуста для толкования библейского события; в девятом давал подробное объяснение приводимых слов Златоуста, а в десятом отделе митрополит Филарет излагал свое поучение верующим как вывод из ранее сказанного. Таким образом, данная проповедь разделялась на введение (отдел 1), первую главную часть (отделы 2–6), вто-

Об-ве любителей духовного просвещения. М., 1867. С. 1–16.

⁶ См.: Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского. В 3 ч. М., 1844–1845.

рую главную часть (отделы 7–9) и заключение (отдел 10).

Весьма разнообразны проповеди митрополита Филарета на Пасху. В одной из них проповедник выражал скорбь о том, что православные христиане знают землю, но о небе почти не задумываются, а это имеет отрицательные последствия для них, поскольку земная жизнь человека есть только зародыш настоящей жизни. Воскресением Христовым земля объединена с небом, и власть ада сокрушена. Ветхозаветной символикой проповедник подчеркивал объединение неба и земли, выражающееся в том, что уверенность в воскресении питает христиан духовно, ибо пасхальный агнец — это воскресший Христос, это радость о Его воскресении, питающая души. В предпоследнем отделе Филарет разъяснял значение воскресения для всех областей человеческой жизни.

В другой проповеди на этот праздник митрополит Филарет представил воскресение как средство к уразумению Божественной мудрости. Для познания духовных предметов необходим Божественный свет, который может дать только Богочеловек. Проповедь заканчивалась прошением о даровании света Христова, который может просветить духовный ум. В первой из рассмотренных выше проповедей на Пасху проповедник излагал свою мысль последовательно, в органически вытекающих друг из друга отделах. Во второй же проповеди можно проследить симметричное деление: отделы 1–6, переходный отдел 7 и отделы 8–13, т. е. две главные части, состоящие из шести отделов каждая, и переход между ними.

Последняя проповедь, опубликованная в издании 1844–1845 гг., была произнесена в 1820 г. в Твери в Преображенском соборе на праздник Преображения Господня. Здесь митрополит Филарет только мимоходом упомянул сам праздник. В центре внимания проповедника был не праздник Преображения, а молитва, сила которой зависит от благодати Божией, дарованной молящимся. Изложение митрополита основывалось на подробном разборе евангельского текста, где молитва упоминалась.

Таким образом, даже немногие приведенные здесь примеры показывают, насколько разнообразны по содержанию и композиции были проповеди митрополита Филарета к отдельным праздникам. Если в одних он обращал больше

внимания на совокупность событий, которые вспоминает Церковь в тот или иной праздник, то другим предпосылал цитату из Священного Писания, которую разбирал или во всей ее полноте, или же только частично. Одни проповеди делились на четыре части, с возможными подразделениями, другие имели явную двух- или трехчастную структуру.

В проповедях при освещении храмов митрополит Филарет пользовался этим поводом для объяснения принципиального значения храмостроительства или излагал отдельные положения христианского учения, связанные либо со святым, которому посвящен храм, либо с окружением, в котором храм стоит (например, при больнице, богадельне, учебном заведении, на кладбище). 12 сентября 1837 г. Филарет произнес поучение при освящении храма святой мученицы Татианы при Московском университете. В этой проповеди подчеркивалась связь между «домом молитвы и домом любомудрия, объединенными под одной крышей». «Могильному познанию земли» Филарет противопоставлял «животворящие основы мудрости Божией». В центральной части проповеди, состоявшей всего из пяти отделов, проповедник называл Бога просветителем, источником всякого просвещения, а Христа — светом. Исходя из этого, он предостерегал против неправильно понятого образования, которое легко может привести к высокомерию. Митрополит напоминал ученым, что «Господь просвещает разум и сердце блуждающих во тьме земного страдания. Освобождение от мук совести можно получить не философствованием по нашему разуму, но только милостью и праведностью Божией — милостью Бога, просвещающего нас, ослепленных»⁷.

Язык проповедей митрополита Филарета — живой русский язык с многочисленными славянскими вставками, прежде всего в цитатах, но часто и в тексте самой проповеди. Проповедник пользовался множеством поэтических приемов, например семантическими повторами: «снисходительно со стороны Религии: возблагодарим ее снисхождением. Благо разумно со

⁷ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. IV. М., 1873. С. 68.

стороны Науки: похвалим ее благоразумие»⁸. Между этими повторами стояли выделенные заглавными буквами основные семантические элементы данной проповеди – религия и наука. Все значимые по содержанию места подчеркивались с помощью разных стилистических приемов и попеременным употреблением русских или церковнославянских слов и оборотов. Естественно, в зависимости от содержания и направления проповеди эти приемы менялись. Изменения, внесенные самим автором в последующие издания, свидетельствуют о том, какое большое значение он придавал каждому слову.

Источником для проповеднической деятельности митрополита Филарета служило Священное Писание. Библейские тексты проповедник толковал с величайшей осмотрительностью и строгой основательностью. Исследователь Ф. Левашов назвал митрополита Филарета «единственным проповедником, при чтении которого чувствуешь самую тесную, полную, органическую связь между собой Заветов – Ветхого и Нового, чувствуешь полноту и целостность христианской религии, ясно сознаешь, что в обоих Заветах заключено одно и то же дело – великое дело нашего спасения» [9, с. 216]. Опираясь на Ветхий Завет, и в частности на содержащиеся в нем пророчества, Филарет следовал традиции евангелистов, апостолов и Святых Отцов первых веков христианства. В этом отношении он сильно отличался от других русских проповедников, которые при выборе текстов, полагавшихся в основу проповедей, и для подкрепления своих мыслей, как правило, ограничивались Новым Заветом. Митрополит почти никогда не посвящал проповеди лишь разъяснению текстов Священного Писания. Эти тексты служили большей частью только исходной точкой для развития мыслей проповедника. В содержание проповеди он затем включал и историю Церкви, и догматику, и нравственное богословие. Цитаты из Священного Писания создавали основу, на которой митрополит Филарет строил содержание своей проповеди.

Митрополит Филарет, как и его предшественник митрополит Платон, не ограничивал свою задачу обличением отдельных пороков

или недугов современного ему общества. В его проповедях разворачивалось широкое изложение всего христианского учения и практики, которое потом применялось к отдельным моментам человеческой жизни. Проповеди Филарета были обращены преимущественно к столичному обществу, находившемуся в определенной степени под влиянием мистицизма и западных – римо-католических и протестантских – идей (оно было если не вовсе отчужденным от православия, то всё же недостаточно утвержденным в нем).

Много внимания Филарет уделял разъяснению христианского вероучения, что обусловлено не его личной склонностью к догматической проповеди, но его восприятием нужд своих слушателей. О том, что Филарет старался ознакомиться с нуждами своей паствы, свидетельствует его обширная переписка, а также интерес к современной ему литературе. Митрополит обращал особое внимание на насущные проблемы своего времени. Об этом живом восприятии им действительности свидетельствуют следующие замечания: «так учат наши запоздалые философы», «это часто слышим в нынешнем веке», «этого желают сыны века сего», «таков нынешний образ мыслей» [Там же. С. 117]. В проповедях, произнесенных в сельской местности, Филарет вполне учитывал их восприятие этой категорией верующих и использовал в своей речи народные пословицы и поговорки. Например, приведя одну из них: «До бога высоко, до царя далеко», святитель указывал, что «Бог всегда близок». В другой проповеди Филарет разъяснял, что поговорка «Мы люди темные, обойдены учением» происходит не от смирения, а от лености [Там же. С. 119]. В проповедях перед избранием судей он подробно обрисовывал психологические трудности как избирающих, так и избираемых, давал рекомендации для поведения тех и других по христианским образцам.

Во всех своих проповедях митрополит Филарет избегал резких обличений. Так, в «Речи к любителям духовного просвещения» он говорил: «Мудрость христианская должна быть кротка. О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напоминать имеющим притязание на просвещение, или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности... Созидает ли дух пори-

⁸ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. С. 61.

цания или разрушает?» [9, с. 131]. Нередко митрополит смягчал свои обличения тем, что обращался непосредственно к слушателям: «Если вам угодно...», «Сделайте одолжение...», «Прошу не прогневаться...» и т. п. Этим он одновременно вовлекал слушателей в ход своих мыслей.

Митрополит Филарет обличал духовные недуги современного ему общества, не делая их единственным или главным содержанием своей проповеди, но, указывая на события из библейской истории, анализируя поведение изображенных там лиц, выявлял поведение и мышление своих современников. Такого рода проповеди он обычно заканчивал фразой из Евангелия от Матфея: «Имейте уши слышати да слышит». Митрополит предоставлял слушателям возможность задумываться о своей жизни и самим обличать себя и указывал направление, согласно которому они призваны продолжать думать и действовать. Таким образом, не бросая вызова, стараясь не ожесточить паству упреками за ее образ жизни, митрополит Филарет стремился развивать в ней на христианской основе нравственное чутье, которое может дать каждому возможность по собственной инициативе направить свой жизненный путь сообразно принципам христианства.

Ни по содержанию, ни по композиции проповеди митрополита Филарета не подчиняются строгим схемам и не поддаются классификации в соответствии с правилами традиционной гомилетики. «Проповеди его невозможно делить на те группы, на которые обыкновенно делят проповеди других проповедников, т. е. на проповеди догматические, нравоучительные, исторические и др., — писал исследователь проповеднической деятельности митрополита Ф. Левашов. — На эти группы мы можем делить только общую сумму содержания проповедей Филарета, а не в отдельности его проповеди. В последнем случае нам пришлось бы почти каждую проповедь отнести к каждой группе» [Там же. С. 138].

Нужно особо отметить, что при жизни Филарета полного собрания его слов и речей издано не было. Это произошло только к 1885 г. после длительного поиска по разным журналам. В собрание были включены проповеди, которые сам митрополит не принял в свои издания 1844–1845, 1848 и 1861 гг., а также проповеди, которые никогда не печатались, но сохранились в рукописной форме у частных лиц. Так было составлено единственное полное собрание слов и речей митрополита Московского Филарета в пяти томах, опубликованных с 1873 по 1885 г. в Москве. Это издание последовательно разделено на три части: 1) слова и речи, одобренные самим проповедником для изданий 1844–1845, 1848 и 1861 гг.; 2) слова и речи, напечатанные при жизни архиерея, но не принятые в указанные выше собрания; 3) слова и речи, не опубликованные при его жизни. Внутри этих отделов проповеди расположены в хронологическом порядке. В текстах, опубликованных в 5-томном собрании, также указаны изменения, которым подверглись проповеди в разных изданиях⁹. Обзор проповеднической деятельности митрополита Филарета показывает, что наиболее плодотворным временем для него были 1840–1850-е гг. До нас дошло 445 слов, речей и поучений владыки Филарета.

Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX в. постоянно развивалась и стала неотъемлемой частью богослужения. Она была посвящена в основном духовным темам, богословским и религиозным вопросам.

⁹ Небольшая часть проповеднического наследия митрополита была переиздана сравнительно недавно. См.: *Филарет, митр. Московский и Коломенский*. Творения. М., 1994.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Katayev N.** Geschichte der Predigt in der russischen Kirche. Stuttgart, 1998. 95 p.
2. **Самарин Ю.Ф.** Стефан Яворский как проповедник // Соч. В 10 т. Т. V. М., 1880. С. 360–452.

3. **Морозов П.** Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху Преобразования. СПб., 1880. 112 с.

4. **Филарет (Гумилевский), архиеп.** Обзор русской духовной литературы: 862–1863. СПб., 1884. 332 с.

5. **Надеждин А.** Митрополит Московский Платон (Левшин) как проповедник. Казань, 1883. 224 с.

6. **Корсунский И.** Проповедническая деятельность Василия Михайловича Дроздова (впоследствии Филарета, митрополита Московского) // Вера и разум. Кн. 2. Харьков, 1884. С. 372–378.

7. **Кипарисов В.Ф.** Митрополит Московский Макарий (Булгаков) как проповедник // Богословский вестн. Сергиев Посад, 1843. С. 432–435.

8. **Кашеваров А.Н.** Печать Русской православной церкви в XX веке: очерки истории. СПб.: Роза мира, 2004. 162 с.

9. **Левашов Ф.** Направление и характер проповеди Филарета, митрополита Московского // Странник. 1875. Октябрь. С. 117–216.

Кашеваров Анатолий Николаевич

E-mail: kashevar12@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.10.2018 г.

REFERENCES

[1] **Katayev N.**, Qeschichte der Predigt in der russischen Kirche. Stuttgart, 1998.

[2] **Samarin Yu.F.**, Stefan Yavorskiy kak propovednik [Stephan Jaworski as a preacher], in: Works, in 10 vol., of vol. 5, Moscow, 1880, pp. 360–452.

[3] **Morozov P.**, Feofan Prokopovich kak pisatel'. Ocherk iz istorii russkoy literatury v epokhu Preobrazovaniya [Theophan Prokopovich as a writer. Essay from the history of Russian literature in the era of Transformation], St. Petersburg, 1880.

[4] **Filaret (Gumilevskiy D.G.), arkhiepiskop**, Obzor russkoy dukhovnoy literatury: 862–1863 [Philaret (Gumilevsky D.G.), Archbishop, Review of Russian spiritual literature: 862–1863], St. Petersburg, 1884.

[5] **Nadezhdin A.**, Mitropolit Moskovskiy Platon (Levshin) kak propovednik [Metropolitan of Moscow Platon (Levshin) as a preacher], Kazan, 1883.

[6] **Korsunskiy I.**, Propovednicheskaya deyatelnost' Vasiliya Mikhaylovicha Drozdova (vposledstvii Filareta, mitropolita Moskovskogo) [The preaching work of Vasily Mikhailovich Drozdov (later Philaret, Metropolitan of Moscow)], in: Vera i razum [Faith and reason], В. 2, Kharkov, 1884, pp. 372–378.

[7] **Kiparisov V.F.**, Mitropolit Moskovskiy Makariy (Bulgakov) kak propovednik [Metropolitan of Moscow Macarius (Bulgakov) as a preacher], in: Bogoslovskiy vestnik, Sergiyev Posad, 1843, pp. 432–435.

[8] **Kashevarov A.N.**, Pechat' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v XX veke: ocherki istorii [The seal of the Russian Orthodox Church in the XX century: Essays on history], Roza mira, St. Petersburg, 2004.

[9] **Levashov F.**, [Direction and character of the sermon of Philaret, Metropolitan of Moscow], Strannik, (1875. Oct.) 117–216.

Kashevarov Anatoliy N.

E-mail: kashevar12@mail.ru

Received 26.10.2018.